

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я вернулся с войны

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово...

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А. Гайдар. *«Мальчиш-Кибальчиш»*

Главный Буржуин еще многого не знал, а то восклицал бы куда громче и с куда большим удивлением и про «эту страну», и про «мальчишей».

Он представить себе не мог, что может творить и творит эта удивительная страна со своими верными «мальчишами». И уж совсем не понять ему того, что, даже несмотря на это, остаются эти «мальчиши» такими же преданными и верными, готовыми для нее на все...

«Мальчиш», воспитанный в этой стране с ее системой во всей красе и величии, я с детства спал и видел как бы это мне так подвернулась возможность проявить свой «мальчишизм» на благо страны любимой...

Так что я не только не боялся, но хотел в армию. Более того, я не просто хотел в армию, а мечтал о тех войсках, где уж точно всегда «есть место подвигу» — о ВДВ. А узнав, что есть возможность попасть на войну, я места себе не находил от мысли, что могу туда НЕ попасть...

Именно в силу своей готовности и желания служить я оказался менее готов к той части «тягот и лишений воин-

ской службы», которые были проявлением этой необъяснимой, темной, запредельной, алогичной и нерациональной, в плохом смысле парадоксальной стороны нашей любимой Родины.

И армии, как неотъемлемой ее части. И если ко всем этим «прелестям» в армии как таковой я был еще хоть как-то готов, то просто трагически не готов оказался к тому, что все это будет присутствовать и на войне. И не просто присутствовать, а расцветать буйным цветом. Будучи особо заметным на фоне не придуманного пропагандистами и режиссерами, а вполне реального величия духа, армейской, мужской дружбы, боевого братства...

Наверное, именно в силу этой своей «неготовности», попав в Афган, на войну, я с самого начала задавался множеством вопросов. И мучился, не находя на них ответов. Точнее, с самого начала-то я просто мучился, даже не понимая толком отчего, — сформулировать это я был тогда не в состоянии.

Так что ВОПРОСЫ я сформулировал только теперь. Тогда они ни разу не были мною ни произнесены, ни даже подуманы. Так что все эти «почему» и «как же так» — это произнесенные мною сегодня вопросы себя тогдашнего. Они сидели во мне все эти годы. Я должен был ответить на них тому наивному 18-летнему мальчику, но — наверное, еще лет 20 после той моей войны — был к этому не готов. Потому что даже сейчас многие из этих вопросов и ответы на них произносить больно и обидно...

Больно и обидно прежде всего потому, что, по большому счету, мало что изменилось с тех пор. Любимая Родина неизменно, несмотря ни на что, рождает и рождает, воспитывает и воспитывает преданных и верных «мальчишей». И с неизменным постоянством продолжает их ломать, корезить, подставлять, бросать и забывать... А они — поколение за поколением — по-прежнему продолжают любить ее, бесстрашно бросаются за нее в бой и, не задумываясь, отдают за нее жизнь. Будто бы и не знают и не видят, как получилось с другими «мальчишами», до них...

Не прошло и 10 лет после нашего Афгана, как очередная порция «мальчишей» оказалась в Чечне... Уж, казалось бы, ладно мы — дети конца 70-х—начала 80-х, выросшие за железным занавесом и на игле гениальной советской пропаганды... Но уж у парней, взрослевших в конце 80-х—начале 90-х, какие могли остаться иллюзии? Их-то что сделало «мальчишами»?

И уж в мясорубку-то их кидали почище нашего, и предавали-подставляли, как нам и не снилось... Ан нет — все то же самое. «Когда страна прикажет быть героем...»

И ведь мало того — спустя еще пять лет уже новые «мальчиши», уже знавшие ВСЕ без прикрас о судьбе первых «чеченцев», все также взмахнули сабельками и рванули на очередных «злых буржуинов», на которых указала «любимая Родина»....

Может, именно поэтому и правда победить нас никому не дано? Может, именно ЭТО и делает нашу страну такой? Может, поэтому ничего и никогда здесь не изменится? А может, и не надо? А если надо, то как?

Собственно, моя книга во многом и появилась как попытка (порой мучительная) понять, что это было и почему ТАК бывает... Именно поэтому, формулируя в этой книге вопросы от лица себя тогдашнего, описывая свою жизнь, переживания, иллюзии и расставания с ними, я, как мне кажется, пытаюсь понять мою страну и эту часть ее социальной культуры и ее менталитета.

Поэтому эти рассказы не про войну как таковую. Они скорее про то, что происходило в душе и в мозгах 18-летнего мальчика, романтика, оказавшегося на войне. Как война, на которую он мечтал попасть, оказалась совсем не тем, о чем он мечтал...

Уже сотни и сотни лет одно и то же происходит с мальчишками, мечтающими о войнах, высоких подвигах и светлых идеалах. Но ведь правда и то, что все эти сотни лет, попадая на войну и расставаясь со своими иллюзиями, эти мальчишки понимают что-то новое и про жизнь, и про свое место в ней.

Что-то такое, чего они, пожалуй, не узнали и не поняли бы, проживи свою жизнь по-другому...

Тем, кто любит «про войнушку», не стоит, наверное, читать эти рассказы. Она там, конечно, есть, но без описаний батальных сцен, взрывов, летящих пуль, обстрелов, рукопашных. Я бы никогда не стал писать книгу о войне только ради этого. Я преклоняюсь перед теми, кто может «вкусно» описывать войну, особенно ТАКУЮ войну. Мне не по силам даже найти слова для описания звука, что издает пуля, врезаясь в песок или камень около твоей головы. Я не забуду этот звук никогда, но максимум, на что способен, — попытаться передать свои ощущения в этот момент и после... а что еще я знаю наверняка кроме этого? Кто и зачем выпустил эту пулю? Много ли я понимаю о том, зачем и почему в это время и в этом месте оказались я и тот, кто в меня стрелял? Ничего...

У каждого война своя. Один и тот же бой абсолютно по-разному воспринимается молодым «шнуром», спрятавшим голову за камень и «поливающим» в белый свет, как в копеечку, выставив наружу только автомат, и опытным дембелем, деловито «выщепляющим» среди дувалов башки бородатых мужиков в чалмах.

Совершенно по-разному видят его юный 22-летний «летюха»-взводный, пробывший на войне меньше, чем его подчиненные, и «зрелый» 25-летний «старлей»-ротный, который уже знает, что такое писать похоронки матерям...

Совершенно по-разному вспомнят одну и ту же операцию комбат, до хрипоты сорвавший на жаре голос, командуя своими вымотанными от ночного марша по горам ротами, прилипшими под огнем духов к каменистым склонам, и холеный генерал, размашисто рисующий на карте стрелки в тени маскировочной сетки, попивая ледяной лимонад...

Для меня война — это то, что происходит в наших мозгах и душах. Именно про эту «свою» войну я и написал. И все «внешние» события происходят в моих описаниях лишь постольку, поскольку они стали частью моего внутреннего мира, повлияли на меня сегодняшнего, задающего вопросы

и ищущего на них ответы. Именно поэтому я не придерживался какой-то особой «сюжетной линии», в некоторых рассказах «возвращаясь» к себе сегодняшнему. Хотя хронология событий в книге все же соблюдена.

Для меня главное — война внутри. Война как сотни тысяч, миллионы отдельных маленьких войн, идущих в душах и головах каждого воюющего, будь он самым отчаянным и безбашенным «рубаккой» или тихим и незаметным «средняком». И при этом по «большому», жизненному счету не так уж важно, кто как именно воевал: будучи прекрасным воином, можно в итоге проиграть «свою» войну. Ту самую, которая «внутри» тебя...

А еще одна задача, может быть, самая непростая — вернуться с войны...

ГЛАВА 1

Афганистан как предчувствие

апрель 1984, Москва

— Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Капа, мой одноклассник, иронично глядит на меня из-под копны волос цвета спелой пшеницы. Лопух — это я, такое прозвище у меня среди одноклассников. Как оно возникло, объяснять долго, да и бессмысленно. Ведь Лопухом мне осталось быть всего два дня. Сегодня суббота, 21 апреля. А в понедельник мне в армию.

Я ухожу первым из класса.

Капа — вторым. У него уже на руках повестка на 30-е. Поэтому разговор, естественно, про армию и про то, куда «пошлиют».

Я мечтаю, чтобы послали в ВДВ и в Афганистан. А Капа, как обычно, прикалывается над моим «беспросветным романтизмом».

— Лопух, уже дети должны в яйцах пицать, а у тебя все «Пионерская зорька» в жопе играет! На хрен тебе это все нужно?!

Подобные «диалоги» в последнее время возникают у меня со многими ровесниками. Да и вообще с окружающими «нормальными людьми».

Точно так же они недоумевали в феврале.

От военкомата меня отправили на 10 дней на прыжки с парашютом. Прыгнув три раза на аэродроме ДОСААФ в Волосово, я вернулся вне себя от счастья, считая, что это уже вполне гарантирует мне попадание в ВДВ.

— На хрен тебе ВДВ? Ты и так ебнутый на всю голову со своим Афганом! Мать бы пожалел...

Кто-то говорит это открыто. Та же Женька, которую я считаю своей девушкой, в отличие от нее самой. Для нее я просто друг. С которым, так вышло, она живет, конечно, в одной комнате со всеми вытекающими, но это еще ничего не значит. Во всяком случае, не для нее.

Кто-то выражается не так прямо, но и не спешит разделить мой восторг и мое рвение. Подозреваю, что до поры многие воспринимали это как некую мальчишескую бравату.

Про Афган мы все знали немного. Но достаточно, чтобы понимать — «интернациональный долг» заключается совсем не в строительстве школ и посадке деревьев, как пишут газеты в нечастых статьях про Афганистан.

И совсем не с радостными благодарными школьниками и крестьянами приходится там иметь дело нашим солдатам, которых мы видим в еще более редких репортажах по телевизору.

Но теперь Капа понимает, что дело не в бравате.

Завтра мои проводы. И я с большой вероятностью поведу-таки в десантуру.

А вот с ДРА¹ у меня «проблема». Собственно, о ней мы и говорим.

Проблема в том, что отца у меня нет и у матери я один. И поэтому я переживаю, что на войну меня могут не взять. И поэтому же Капа недоумевает, почему я так туда рвусь...

Не знаю, как ему объяснить, — я почему-то просто уверен, что это — мое.

Предчувствие, предчувствие...

Эпизод первый

Дед

Когда Афганистан появился в моей жизни, знаю с точностью до дня.

То есть до этого тоже знал, что есть такая страна, но ча-

¹ ДРА — Демократическая Республика Афганистан. Тогда эта страна так называлась.

стью МОЕЙ жизни он стал только в этот день, хотя тогда я еще не мог этого понять.

Вечером 5 декабря 1979 года мой дед, как обычно, крутил ручку настройки своего транзистора ВЭФ-202.

Как обычно, сражался с глушилками, забивавшими «вражьи голоса».

И вот в какой-то момент он их обхитрил. И сквозь завывание и хрип стал слышен говоривший с легким акцентом голос.

Дед в совершенстве владел немецким, неплохо понимал по-английски.

Это позволяло ему слушать «вражьи голоса» на их родных языках.

Но иногда, то ли для сравнения, то ли из азарта, он слушал их, точнее пытался слушать по-русски. Получалось не всегда. Глушилки свое дело знали...

Правда, в этих случаях он все равно всегда выгонял меня из комнаты. В конце 70-х это вряд ли могло чем-то серьезным угрожать и мне и ему. Но инстинкты того поколения вырабатывались в конце 30-х...

Когда за такое «любопытство» можно было уехать очень далеко и надолго. И без гарантии вернуться.

Так что даже теперь, в «эпоху расцвета социалистической демократии», дед страховался и берег меня.

А я обижался. Мне было почти 14. Моей любимой книгой была пятитомная «История дипломатии». Я читал «международные» полосы газет и регулярно смотрел «Международную панораму». Был политинформатором класса.

В отличие от своих одноклассников, которым мало что говорила даже фамилия Сталин, два-три раза упоминавшаяся в наших учебниках истории, я знал, кто такие Троцкий, Бухарин и Берия.

Знал от деда.

В 20-х он окончил факультет международных отношений МГУ и успел даже поработать с Чичериным. В МИДе работал до 1937-го... Работал на Западе, в Германии, в Италии...

Потом на много лет стал «невъездным», а после войны и по-давно «уехал» на много лет далеко на восток. И совсем не дипломатом. Лесорубом...

Дед воспитал меня вместо отца. Интерес к политике я перенял от него.

Тем обиднее было, когда он не давал мне слушать «голоса».

Но в этот день все «совпало» — дед слушал их по-русски, глушилки «не доглядели», я оказался рядом, а он меня не прогнал.

И я услышал, как слишком старательно выговаривающий русские слова голос поведал об имеющихся веских основаниях ожидать в ближайшем будущем вторжения советских войск в Афганистан.

Слова «вторжение» и «советские войска» рядом воспринимались как-то странно. Ведь мы никогда никуда не вторгались — всегда всех только освобождали и защищали. А вторгались империалисты и их пособники. Чтобы поработать и угнетать.

Я смотрел на деда с удивлением и недоумением.

Но он словно не замечал меня. А может быть, правда — не замечал...

Дед грустно и задумчиво покачал головой и долго еще сидел потом молча, обхватив ее руками. Он часто так сидел...

Дед вообще был немногословен и задумчив — четыре года войны и потом семь лет лагерей по 58-й статье не располагали, видимо, к разговорчивости.

Я тогда этого не понимал, но инстинктивно в такие моменты к нему не лез.

На мой безмолвный вопрос он в тот день так ничего и не ответил.

Он вообще на него мне так никогда ничего и не ответил.

Потому что через два дня, 8 декабря, дед умер...

Я так и не узнал, что думал главный тогда в моей жизни человек про Афганистан и наше туда возможное вхождение.

Так и не понял, почему он так грустно качал головой...

Ведь не мог же он тогда знать, что...

Или мог?

Не знаю...

Может, встретимся когда-то — расспрошу, о чем он думал 5 декабря 84-го.

Но именно в тот день Афганистан вошел в мою жизнь. Как оказалось — навсегда.

Я впервые прикоснулся к тому, что станет главным «пунктом» моей биографии, во многом «сделает», сформирует меня сегодняшнего. И почти одновременно из моей жизни ушел дед, который «делал» меня первые 13 лет.

Наверное, вдвоем им не было места в моей судьбе. Проживи дед еще года три, и я вряд ли рвался бы в Афган. Я бы о другом мечтал, другим восторгался, по-другому учился...

Но видно, мне именно это было «написано».

И потому-то, наверное, одновременно с появлением «афганской темы» закончилось и мое воспитание дома. Мама много работала, чтобы прокормить нас двоих, да и сам я скоро начал потихоньку зарабатывать и уже не особо к ней прислушивался. Любил, уважал, но делал больше по-своему.

То, чем 13 лет занимался дед, продолжили школа, улица, работа.

И «советская пропаганда».

Точнее, то, что сейчас принято так называть, часто с негативным оттенком.

Хотя теперь-то я понимаю, что многим из нас удалось пройти то, что нам выпало, именно благодаря стержню, который дала эта самая «пропаганда».

Мы искренне гордились своей Родиной, искренне считали, что СССР — самая лучшая страна в мире. Искренне любили ее и сочувствовали тем, кого угораздило родиться в какой-нибудь Америке.

У нас было много чем гордиться.

И среди этого многого непостижимой громадой возвышалась ПОБЕДА.

Воевавшие были еще нестарыми людьми. Их было много, и от этого ощущение, что это победили ВСЕ МЫ, было вполне реальным.

А фильмы про войну рождали эффект соучастия и присутствия.

Я любил их и смотрел все по многу раз.

Дед еще был жив, когда вышел совместный советско-американский 20-серийный документальный фильм «Великая Отечественная». В американском варианте — «Неизвестная война».

Каждую неделю мы с дедом шли в «Октябрь» смотреть очередные две серии.

Плохо помню содержание отдельных серий, но навсегда запомнил, как смотрел эту черно-белую хронику дед. Я никак не мог понять, почему иногда у него начинали дрожать губы и подбородок, а по морщинистой щеке сбегала слезинка.

Почему он плачет? Ведь мы же победили! Мы же выиграли войну!

Я не спрашивал — понимал, что должна быть серьезная причина, чтобы заплакал этот обычно невозмутимый, много повидавший человек.

Он немного успел рассказать мне про войну — я был слишком мал.

Но благодаря ему война стала для меня гораздо большим, чем просто история. Это было что-то личное, но я не знал что.

А потом понял.

Как-то в очередной раз смотрел «Белорусский вокзал», где в финале идут кадры хроники — на Белорусском вокзале встречают фронтовиков. Я всегда любил этот момент: благодаря песне Нины Ургант с экрана передавалось это невероятное ликование победителей.

«Одна на всех, мы за ценой не постоим...»

И вдруг я поймал себя на мысли, что ЗАВИДУЮ им. Этим усатым дядькам, которые подбрасывают в воздух детей и смачно целуют подбегающих женщин.

Завидую тому, что мне НИКОГДА не суждено вот так возвратиться с войны.

Никогда не пережить самому ЭТО ликование...

Может быть, еще и поэтому так запомнилась мне услышанная в начале декабря 79-го фраза про возможный ввод советских войск в Афганистан.

От нее веяло войной.

Войной, на которую я «успевал».

Эпизод второй

Минжин

Впрочем, поначалу я воспринял непонятную реакцию деда скорее как сомнение, что то, о чем сказали «голоса», вообще возможно.

В конце декабря, числа 28-го, наверное, мы с друзьями были в гостях у одноклассницы, дочки монгольского дипломата.

Посольство Монголии было недалеко от нашей школы, и дети многих дипломатов учились в ней. Хотя школа была даже не «спец», а вполне обычная, «рабоче-крестьянская», как мы шутили.

Звали девочку Минжин, и был я в нее по-мальчишески влюблен.

А как обратить на себя ее внимание, не знал.

И вот мы что-то там веселимся, «Вопей М» какой-то играет, танцы-шманцы... И вдруг входит Минжин и говорит, что в Афганистан вошли советские войска.

Так и сказала «вошли»...

Все слегка остолбенели от такой новости. И тут я решил, что мой час настал, и очень «авторитетно» заявил, что это все фигня и что об этом я еще раньше слышал по «западному радио». И что это, мол, они все нагнетают, гады. Однако ожидаемого эффекта мое выступление не произвело, поскольку Минжин спокойно возразила, что узнала об этом не из «голосов», а от папы.

Авторитет папы-дипломата явно перевешивал мой авторитет политинформатора класса. И мне ничего не оставалось, кроме как пробурчать что-то вроде «все равно, фигня это все»...

Но когда после зимних каникул мы вышли учиться, темой первой же моей политинформации уже был как раз «ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан для оказания братской помощи дружественному афганскому народу в отражении возможной империалистической агрессии».

«Моя война» становилась все более реальной...

В течение следующих двух лет вести из Афганистана приходили редко, и все больше в виде статей про то, как воины-интернационалисты строят школы. К статьям прилагались фотографии наших радостных солдат и не менее радостных афганцев и при виде этих взаимных улыбок в реальность «империалистической агрессии» как-то не верилось.

Тем не менее войска из Афганистана почему-то не уходили.

И чем больше они строили в Афганистане школ и сажали деревья, тем меньше верилось, что занимаются они именно этим. Кого как, а меня эти сомнения только радовали...

После смерти деда «голоса» я не слушал.

Сначала как-то не решался притронуться к его транзистору. Потом никак не мог справиться с настройкой, а вскоре старый ВЭФ совсем умолк. Так умирает старый верный пес вслед за хозяином.

Источников альтернативной информации у меня не стало, а покупать новый приемник было не на что. Да и магнитофон стал для меня куда более насущной мечтой.

Так что происходящее в Афганистане на самом деле оставалось непонятым.

Но поползшие со временем разговоры про «цинковые гробы из Афгана» эту «непонятку» раскрывали вполне определенным образом.

В январе 82-го я отмечал 16-летие. В гости пришла Минжин, которая к тому времени уже училась в спецшколе. Так

что виделись мы редко, но отношения теплые сохранили. Хотя и чисто дружеские по-прежнему.

И вот, по-дружески подтрунивая надо мной, она вспомнила, как два года назад мы поспорили из-за Афганистана:

— А теперь там уже два года идет настоящая война.

Так и сказала — «война».

Может быть, что-то стерлось из памяти, но я не помню, чтобы до этого кто-то произносил вслух это слово, говоря про Афганистан.

Эпизод третий

Война

Многие догадывались, что там происходит и откуда берутся цинковые гробы. Но для нас, родившихся и выросших в СССР, со словом ВОЙНА были связаны слишком определенные ассоциации.

Во всяком случае, когда речь шла о нашей стране.

А Минжин родилась в Монголии, где не было Великой Отечественной. А лет до 9 росла в Нью-Йорке, где знали только про Вторую мировую. Которую, при этом еще они, американцы, в основном и выиграли.

И теперь, живя в Москве, она со всей непосредственностью назвала вещи своими именами. Более того, видимо, «своими именами» у них дома называли многое. Иначе чем еще объяснить следующее выданное ею «откровение»:

— Эти дураки непонятно зачем посылают на смерть молодых солдат.

Под «этим дураками», видимо, подразумевалось наше руководство. Но даже не эти слова поразили нас с ребятами больше всего. Хотя и очень уж непривычно звучали они, сказанные вслух.

Почему-то произнесенные тоненьким, нежным голоском Минжин слова про два года войны, на которой убивают НАШИХ молодых солдат, произвели на меня куда большее впечатление, чем все «шепоты» про «цинки» до того.

Пожалуй, именно в тот день идущая в Афганистане война и предстоящая мне служба в армии плотно совместились в моей голове.

До армии оставалось два с небольшим года. Я не питал иллюзий по поводу поступления в те институты, которые были мне интересны, — ИСАА МГУ, МГИМО.

Туда нужно было сдавать английский, который я знал вполне прилично для общеобразовательной школы, но совершенно недостаточно для «серьезного» вуза.

Денег на репетитора не было. Как не было и блата, без которого то же вряд ли было реально поступить туда, куда мне было интересно. А поступать туда, куда было не интересно, как-то не хотелось. Да и не было это особо в духе того времени. Во всяком случае, как я его понимал.

Как не было в духе времени рассматривать призыв армию как конец света.

Вопроса, в каких войсках служить, у меня не возникало уже очень давно.

Мне было 7 лет, когда перед ноябрьскими праздниками у нас в доме появился первый телевизор. Маленький, черно-белый, но все равно — чудо.

И среди первого, что я увидел, благодаря этому чуду, был парад на Красной площади.

Министр обороны объезжал коробки парадных расчетов разных родов войск. На его приветствие они отвечали дружным «Ура-а-а!»

И вот министр остановился перед строем парней в тельниках и беретах.

— Вот они, красавцы! — сказала бабушка.

— Здравствуйте, товарищи десантники! — гулко разнеслось в морозном воздухе приветствие министра обороны.

Так я узнал, как называются «красавцы».

«Ура-а-а!» — разнеслось над Красной площадью их ответное приветствие. Безусловно, самое дружное и бодрое.

Я почти не помню бабушку — больше по ощущениям, чем по каким-то фразам. Но эти ее слова про «красавцев» врезались в память навсегда.